

ЧЕТВЕРГ НАСТУПИТ ЗАВТРА?

Елена
Будзинская

Елена Будзинская

Четверг наступит завтра?

<https://litres.ru/74613464>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она – студентка-иностранка, запутавшаяся в отношениях, стоящая перед непростым выбором. Он – человек из другого мира, профессор литературы, писатель. Между ними нет никакой связи. У них нет и не может быть ничего общего. Их пути никогда бы не пересеклись. Но этот город, похожий на рай, вдруг сталкивает их... Им не суждено быть вместе. Или это не так? Есть маленький, робкий знак, и важно одно - всего лишь найти его...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Четверг наступит завтра?

Глава

Симоне шла по 1st Ave, стуча каблучками. Сегодня ее отпустили с работы на час раньше, а это означало, что не очень-то приятный дождливый вечерок в ее полном распоряжении. Девушка усмехнулась: удивительно, до чего бывают безответственны люди! Задание по ее участку поступило неделю назад, сроки оговаривались заранее, электронной волокиты случилось не больше обычного, так что сделать все это не составляло труда, но лишь она, Симоне Данст, справилась со всем четко и вовремя. Конечно, можно было остаться и помочь нерадивым коллегам, но этика ООН не предусматривала подобной благотворительности. Почти совсем стемнело. Налетевший холодный ветер раскрутил шарфик, попытался растрепать гладко уложенные волосы. «Да-а, это тебе не Майами», - вздохнула Симоне и плотнее завернулась в пропахший духами шелк. День ото дня в ней крепла убежденность, что дисциплинированность – это наиважнейшая часть ее натуры. Благодаря этой впитанной с молоком матери черте характера она смогла переломить не выгодную для себя ситуацию безработной эмигрантки и твердо пойти по дороге к успеху, а успехом Симоне считала служебную лестницу на UNWebTV, где ей после нескольких месяцев испытательно-

го срока предложили постоянную должность консультанта, и будущую финансовую независимость от отца, который в течение многих лет безропотно оплачивал ее колледжи, курсы, университеты, стажировки, но вскоре мог бы, наконец, взять тайм-аут. Да, она счастлива, очень счастлива находиться здесь, в Нью-Йорке, работать в ООН на такой перспективной должности, ходить по этим улицам, жить в крохотной съемной квартирке, которая по общей площади не превышала ее ванную в отцовском особняке. Правда, одно «но», одно незначительное, плевое обстоятельство беспокоило ее в этом великолепном городе, одна маленькая червоточинка образовалась в ее гордом арийском сердце и не то, чтобы болела – ныла, доставляя неудобство. Симоне никогда никому не призналась бы в этом, даже своей самой близкой подруге Алекс, но именно в такие дождливые, темные, не заполненные работой вечера она ощущала, как огромный, высоченный, переполненный людьми Манхэттен наваливается на нее и давит, давит своей неповоротливой серой машиной. Именно в такие вечера она особенно остро чувствовала свое одиночество...

Быстро устав от высоких каблуков, Симоне свернула на 46th St и с удовольствием подумала о симпатичном небольшом кафе, располагавшемся в самом начале улицы, где можно было перекусить и выпить чашку горячего капучино, но вдруг внимание ее привлекла акцентно освещенная афиша на стеклянной двери напротив. Не разбирая текста с такого

расстояния, она, тем не менее, отклонилась от намеченного пути и направилась по проезжей части прямо к этой двери. Все дело было в фотографии мужчины на афише: черные волосы на прямой пробор, благородное лицо с крупными, правильными чертами и главное – яркие, контрастно-светлые глаза, смотревшие прямо на Симоне. Не обращая внимания на недовольные сигналы объезжающих ее водителей, она приблизилась к афише и с удивлением – вот это совпадение! - прочитала следующее: «30 ноября, в 04.00 pm состоится презентация новой пьесы П.С.Эммонса «Четверг никогда не наступит». Автор приглашает всех желающих, будет рад ответить на ваши вопросы и подпишет книги, которые вы сможете приобрести в нашем магазине».

Никакой ошибки. И четверг вопреки этому писателишке наступил как раз сегодня. Симоне взглянула на наручные смарт-часы: 5.45 pm. Встреча с Пи Си Эммонсом, наверное, уже подходит к концу. Что ж, пожалуй, стоит потратить полчаса своего времени и, сколько там, баксов пятьдесят на экземплярчик этого шедевра про чертов четверг. Забыв о голоде и распухших ногах, она с силой потянула на себя дверь...

Дело, действительно, шло к развязке. Писатель стоял в конце небольшого, заполненного книгами и людьми зала, возвышаясь над толпой почитателей, вернее, почитательниц, пожилых восторженных тетенок, которые наперебой тянули к нему глянцевого, видимо, только что купленные экземпляры книги, а он их эффектным росчерком подписывал. Для

каждой ухоженной, интеллигентной дамы симпатичный писатель находил какие-то слова, растекался в обаятельной беззубой улыбке. Глядя на эту умилительную картину, Симоне Данст готова была прослезиться, запечатлеть ее для истории своим айфоном и смыться отсюда, однако живо представила Алекс и решительно направилась к столу.

Господин Пи Си Эммонс вернул очередной мадам красиво подписанный томик и, нацепив дежурную улыбочку, автоматически протянул ей распахнутую ладонь.

- Здравствуйте, - немка была сама любезность и вместо книги вложила в его ладонь свою руку. – Меня зовут Симоне

Писатель немного напрягся оттого, что логично выстроенная схема дала сбой – здесь исключительно он был важен, все остальные, изображавшие обожание, находились на второстепенных ролях - но никак свое недоумение не выказал, завершил рукопожатие и произнес с утвердительной интонацией:

- Вы из Германии, очень приятно.

- Не могу сказать о себе того же, - Симоне была холодна, как лед, и неумолима, как надвигающаяся неотвратимость судьбы.

- Простите? - писатель явно опешил от такой наглости и, беспомощно моргая, пялился на нее своими яркими глазами. «Ах, ты, черт, да они все такие же голубые, не выцвели от слез раскаяния», - подумала Симоне почти с ненавистью. Он быстро овладел собой и задал справедливый вопрос: –

Зачем же вы тогда пришли сюда?

- Мы с вами знакомы. Не припоминаете?

Он встревоженно оглянулся на своего агента, сидящего за столом, и на толпу обожательниц, постепенно берущих их в плотное окружение, потом, вернувшись к Симоне, виновато пожал плечами:

- Н-нет, простите, не припоминаю... С-си... С-се... С-са...? Если вы не возражаете, меня ждут другие...

- Си-Симоне, если вы не против. А Са-Сара, насколько я знаю, это ваша милая дочь? Впрочем, не возражаю, всего хорошего.

Услышав про дочь, он ошеломленно затих, снова заморгал ресницами.

- Но... - только и смог выдавить из себя.

- Не напрягайтесь вы так, - посоветовала ему немка. – Конечно, вы меня не помните. Да мы-то и виделись всего один раз...

Заинтересованная улыбка уже тронула крупные губы господина Пи Си Эммонса, но беспощадная Симоне, не давая ему передышки, нанесла хорошо рассчитанный удар под дых. Будто отливая каждую букву из металла, отчеканила:

- ... на той единственной лекции по американской литературе, которую вы, господин профессор, прочитали для студентов Флоридского международного университета. Полгода назад, припоминаете?

По его вытянувшемуся лицу и стекшей с уголков губ

улыбке она увидела – вспомнил.

- Мы сидели с Алекс, слушали вас, затаив дыхание, и думали...

- С кем? – перебил он, и голос его, потеряв бархатистость, совсем сел, стал бесцветным и тусклым, как сегодняшнее нью-йоркское небо.

Симоне вдруг бросило в жар – так всегда с ней случалось, когда она нервничала, и это качество доставляло ей массу неудобств: пот прохладной струйкой стекал по ее телу, оставляя разводы и отметины на белье и одежде. Уберечься от такого подарка собственного организма было невозможно, поэтому она пыталась найти компромисс: надевала свободные, необлегающие вещи, в любую погоду врубала кондиционер на снежинку и старалась избегать стрессовых ситуаций. Сейчас, например, ей это не удалось.

- Всего хорошего! – еще раз пожелала она писателю и, резко развернувшись на своих каблучках, направилась к выходу, но последний, грубо разорвав хоровод из обожательниц, кинулся на нее, как хищник на свою жертву, впился во влажную ладонь ногтями и гаркнул:

- Симоне! Да подождите же!

Посторонние шумы и звуки вдруг смолкли, весь небольшой зал любителей литературы воззрился на них. Надо же, запомнил, усмехнулась она. Писатель между тем пришел в сознание, отпустил ее руку и убрал голос до срывающегося, сиплого шепота:

- Вы не знаете... Я звал ее по-другому...

* * *

Жара стояла ужасная. Проехав без остановки километров 15, я притормозила в уютном тенечке Крэндон-парка и жидкой ртутью стекла с велосипеда. Ощущения были не из приятных: изрядно пропекшаяся в джинсовых шортах задница прилипла к сидению, ступни в кроссовках сварились, влажные волосы выбились из бейсболки и топорщились в разные стороны, а минералка по вкусу напоминала горячую воду из-под крана. От сознания того, что мне придется еще раз проделать длиннющий путь отсюда, из Крэндон-парка, к себе, в даунтаун, подкатила тошнота. И какого черта я решила поставить рекорд на выносливость? Расстилающийся передо мной синий океан, этот вкусный воздух, пропитанный йодом и запахом тропических растений, действовали расслабляюще: усталость отступила, вернув место разочарованию и обиде. Всплыли язвительные, колкие фразы Франа. «Несносная тупица! - кричал он, размахивая перед моим носом руками в своей эмоциональной манере южанина. - Ты даже не понимаешь, как тебе повезло! Сидишь на всем готовом! За еду, за жилье не платишь! Пользуешься всеми благами цивилизации и еще чем-то недовольна! Знаю, стоит тебе закончить универ, как ты тут же бросишь меня, как использованный презерватив!»

Я прилегла на велосипед и уставилась на бликующую на

солнце воду. Да, надо признать, ничего у нас не получается. После всего того, что происходило в последнее время, после всего, что он мне наговорил, правильнее было бы уйти навсегда, но как, куда? Мне оставалось полтора месяца до окончания университета... И самое ужасное, что он прав, я вынуждена зависеть от него во всем, хотя именно эти путы я ненавижу больше всего на свете.

- Эй, э-эй, - ворвался в нерадушные мысли мужской голос. Не оборачиваясь, я усмехнулась: ну, вот, наверняка занудный папаша пытается приструнить расшалившихся детей.

- Э-эй, девушка, - донеслось уже отчетливее, и до меня, наконец, дошло, что «девушка» – это ко мне. Я нехотя оглянулась. На скамейке за моей спиной расположился долговязый загорелый старик в белых одеяниях и широкополой шляпе. Перед ним стоял мольберт, в изогнутой руке замерла длинная кисть, в другой дымилась кубинская сигара. Выглядел он вполне живописно – впору с него самого картину писать. Увидев, что я отреагировала на его окрик, он ожил, добавил мягким баритоном: «Вы не могли бы...?» - и сделал непринужденное движение сигарой, дескать, отодвинь свой зад, ты закрываешь мне панораму. Ну, ты посмотри, с раздражением подумала я, снова усаживаясь на велосипед, художник выискался. Прокатившись с полкилометра по Харбор-Драйв, опомнилась: куда это я, ведь мне ж в другую сторону. Старикан, как мраморное изваяние, сидел на том самом месте и, откинувшись назад абсолютно прямой спиной,

что-то чирикал на холсте. Кисть едва двигалась в длинной руке, а кубинская сигара, от которой исходил сумасшедший, шоколадно-пряный аромат, жила своей, отдельной от него жизнью. Подъехав ближе, я заглянула через плечо, закутанное в белоснежную ткань. В отличие от изумительного пейзажа, разворачивающегося перед глазами, на холсте этого художника расплылись унылые краски: горящий на солнце океан походил на нелепое пятно, вместо ослепительного, ярко-лазоревого неба было нечто бледненькое, а знаменитый майамский песочек имел грязноватый оттенок. Не сдержавшись, я наклонилась к его невообразимой шляпе:

- А ведь я могла бы стать украшением вашей картины, вы не находите?

Он вздрогнул, едва не выронил кисть, обернулся. Я поняла, почему приняла его за пожилого джентльмена. Все дело было в белых одеяниях, дурацкой шляпе с полями и пристегнутых к этим полям воланах из легкой ткани. Темные очки скрывали почти пол-лица, но даже то небольшое, что удалось разглядеть, отчетливо указывало, что старикану-то лет 45-50, не больше.

- Что, простите? – переспросил он, но я не ответила и дожидаться следующей фразы не стала, покатила дальше – по такой жаре предстояло ехать часа два. В кармане настойчиво завибрировал телефон. В сердце еще кипела обида, но игнорировать звонок означало обострять конфронтацию.

- Requeñita, где ты ходишь? – спросил Фран. Флюгер его

настроения, развернувшись в другую сторону, показывал теперь полный штиль, и вот я снова стала для него «малышкой». – Возвращайся домой, я волнуюсь.

Вот так всегда: сначала обижает, не стесняясь в выражениях, а потом волнуется... Господи, как это похоже на Франа...

- Я в Крэндон-парке, решила покататься на велике.

- В такую жару? Ты с ума сошла! Давай я за тобой заеду. - Я тут же воспряла духом - это было бы сейчас весьма кстати. - Двигай в сторону дома, а я минут через сорок тебя подберу...

- Минут через сорок?! – я обалдела – фраза прозвучала издевательски.

- Ну, ты не торопись, - посоветовал он. – «Реал Мадрид» обыгрывает «Барселону» 1:0! Гонсало Гарсия, краса-авчик, забил, еще полчаса игры... El classico, ты же понимаешь...

Резким движением я вырубил телефон, отчего руль накренился вправо, и я сама чуть не потеряла равновесие. Придется запастись терпением – путь предстоит неблизкий. Что ж, мне не привыкать. Жизнь с Франом – это ежедневное переламывание себя и терпение, бесконечное терпение...

- Эй, девушка! - донесся знакомый окрик.

Занятая невеселыми мыслями, я не обратила внимания на то, что старикан-то, оказывается, собрал вещички и давно преследует меня на своем велике. «Вот привязался», - раздраженно подумала я, наращивая темп. После разговора с Франом настроение у меня рухнуло, и уже ничего не хоте-

лось: ни моря, ни солнца, ни белого песка. Я сухо кивнула и перевела взгляд на дорогу и проплывающий за деревьями яхт-клуб, сверкающий белоснежной роскошью. Общение с немолодым приставучим незнакомцем не входило в мои планы.

- Удачный день сегодня, - не сдавался он, словно не замечая моей холодности.

- Вы находите? – хмыкнула я. Гнев на Франа, а заодно с ним и на всю мужскую братию разрывал меня. - Жарко, влажно, задохнуться можно...

- Тебя кто-то обидел? – участливо спросил незнакомец.

- Не беспокойтесь, не вы.

- А мне показалось, ты немного обиделась, когда я попросил тебя отодвинуться. И еще тебе не понравилась моя картина...

- Картина? Да с чего вы взяли? Не приписывайте себе лишнего. Я просто проезжала мимо. И вообще мне нет дела до вашей картины... - нахамила я.

- И до меня, верно? Я прав, тебя кто-то обидел. Что ж, постараюсь исправить ситуацию...

«Тебе вряд ли это удастся», - огрызнулась я про себя, но все-таки немного сбавила скорость.

- Смотри, что у меня есть, - он дотянулся до вместительного багажника, в котором, аккуратно сложенные, лежали этюдник, тубус, деревянный чемоданчик, видимо, с красками, вытащил откуда-то из недр плотную сумку, повесил ее

себе на плечо, одной рукой ловко расстегнул молнию и протянул мне запотевшую бутылку с водой. Продолжать дурацкую игру в неприступность сразу расхотелось - ради глотка прохладной минералки я готова была на все (или почти на все), а тут целая бутылка!

Прячась за темными стеклами очков, я не без любопытства изучала своего спасителя. Незнакомец был явно не из простых: его безукоризненный язык, будто записанный для аудиокурса «Учимся правильно говорить по-английски», выдавал в нем жителя Средне-Атлантических штатов, невозмутимая галантность по отношению к такой недружелюбной особе, как я, указывала на хорошие манеры, и вообще от него за километр веяло не взмыленным потным телом, а спокойствием, благожелательностью и приятным парфюмом. Теперь мне было смешно, что я приняла его за старика – дурацкая шляпа болталась за спиной, а лоб и шею укрывали густые, темные, без намека на седину волосы; лицо загорелое, узкое, с крупными чертами, черт его знает, возможно, красивое – как поймешь, когда темные очки полностью скрывают глаза. Он реально обрадовался, что я наконец-то смиростивилась и включила обычное, ничего не значащее кокетство - большой рот растянулся в широкой улыбке, блеснули по-американски здоровые, белые зубы.

- Ну, вот ты и оттаяла чуть-чуть...

- И всего-то из-за глотка холодной воды... А если я все выпью, не боитесь?

- Ой, на здоровье! У меня есть еще, до даунтауна дотянем!

Он даже не догадывался, что попал в самую точку – именно в даунтауне я и обитала.

- Ты не местная... - не отрывая от меня своих солнцезащитных очков, произнес он. Интонация была утвердительная, то есть он не сомневался. Я усмехнулась. Ну и проницательность! Интересно, кого здесь, в этом городе эмигрантов, туристов, приезжих можно считать местным?

- Вы тоже.

- Это правда, я в Майами на отдыхе. А ты? Я ведь имел в виду, что ты не американка. Дай-ка, угадаю... Русская?

- У меня что, написано это на лице? – буркнула недовольно, а про себя удивилась – как он понял, ведь говорила я по-английски бегло и, как меня все уверяли, очень хорошо.

- Нет, на твоём очаровательном лице написана разве что усталость, - он снова обезоруживающе улыбнулся. – Поверь, говоришь ты блестяще, но вот твой акцент... Он мимолетен, но для моего чуткого уха весьма уловим... Знаешь, я преподаю литературу в Колумбийском университете, у меня много иностранных студентов, в том числе, и русских, и я научился распознавать акценты, даже самые слабые, даже не характерные. Американцы часто путают русский и немецкий акценты – и правда, много общего, вы не франкофоны, и у вас, действительно, довольно жесткий английский - но для меня это как вода и песок...

Колумбийский университет, литература, студенты... Что

ж, я тоже не ошиблась – дядька не из простых.

- Русский сказал бы: земля и небо. И как же говорят немцы? В чем отличие от нас, русских? – заинтересовалась я, вспомнив свою подругу Моне Данст.

- Для немцев характерны более мягкая «l», более раскатистая «r», «s» особенно в начале слова немец скорее произнесет как «z». Что еще? Да множество нюансов: и искажение согласных звуков, и нередуцированные гласные в безударных слогах, и неправильное ударение в словах, монотонная интонация, ну и так далее... По одному межзубному звуку «th» я легко могу определить, немец или русский... Впрочем, не давай мне много говорить на эту тему, а то семиотика, лингвистика – это тоже мой конек, и я готов разглагольствовать часами... Лучше скажи, прекрасная незнакомка, могу я узнать твое имя?

- Учитывая тот факт, что вы не дали мне умереть от жажды, конечно, можете. Саша или, если вам ближе, Алекс.

- Нет, зачем же, мне нравится Саша, Александра, это чудесно звучит, очень по-русски, так Пушкина звали. Позволь представиться, Питер, - и мой собеседник, приблизившись ко мне на весьма опасное расстояние, протянул руку. Мне казалась невыносимой мысль о чужом прикосновении к моему взмокшему телу, но это пожатие было коротким, крепким и горячим, как раз таким, чтобы мои пальцы не прилипли к его ладони.

Харбор-Драйв, по которой мы катились, обгоняя друг

друга, тем временем перетекла в дамбу Рикенбакер, тянувшуюся вдоль живописного берега залива Бискейн до самого города, и за оживленной болтовней не заметили, как остров Вирджиния Ки остался позади. Предстояло еще одно испытание, пожалуй, самое тяжелое - миновать довольно длинный мост под нещадно палящим солнцем. Картина, всплывающая впереди, называлась «One million dollar view», тиражировалась туристическими буклетами и все равно каждый раз останавливала взгляд своей завораживающей красотой: извивающаяся лента дороги, прибрежные камни, изумрудные воды залива и сверкающий великолепиям горизонт даунтауна. Горячий густой воздух дрожал и плавился под ногами, и, поддаваясь невольной зрительной иллюзии, я уже не различала границ нормального, перед глазами все раскачивалось, все плыло: и раскаленный асфальт, и океан, и приближающийся город. Мой новый знакомый, присмотревшись ко мне, вдруг посерьезнел, быстро достал из волшебной сумки два пузырька.

- Эй, Саша, а ну-ка, облейся немедленно водой и приложи бутылку ко лбу, она холодная, - распорядился он. - Вот, возьми прежде мой крем, здесь 70 процентов защиты, а то, не дай бог, сгоришь. Если хочешь, накинь мою хламиду, она невесомая и закрывает от ультрафиолета...

- Ни за что! - взвизгнула я и, вырвав у него воду, вылила на себя полбутылки и немного почувствовала. Он снова широко улыбался мне, дружелюбно кивал и, по-моему, совсем не

обиделся на мой негодующий вопль в ответ на его любезное предложение. Человек готов был поделиться со мной своей пропотевшей рубашкой, а я взбрыкнула, не оценила...

- У вас в России сейчас, наверное, холодно? – спросил он, водружая на себя ужасную шляпу с воланами.

- Россия вообще-то большая, - съязвила я. – В Москве еще кое-где снег, а в Сочи – плюс 20 градусов по Цельсию.

- Так ты из Сочи?

Я хмыкнула. Что же вы, господин лингвист, специалист по акцентам, немецкий от русского отличаете легко, а южно-русский от московского уже вам слабб, да? Видимо, не так много русских вы и встречали...

- Представьте, из Москвы.

- Замечательный город, - кивнул он. Это было сказано явно из вежливости, про Россию он мало что знал, а про Москву – тем более. – Как же тебя занесло сюда?

Делать было все равно нечего, до города оставалось километра четыре, к тому же, он снова выручил меня, поэтому я ему и выложила без особых подробностей: приехала в Майами два с половиной года назад, учусь в магистратуре FIU, Международного университета Флориды, на факультете журналистики, через полтора месяца заканчиваю, сейчас пытаюсь найти работу, но пока безуспешно, так что в перспективе – полнейшая неопределенность.

- Прекрасно, Саша! – неожиданно обрадовался он.

- И что же здесь прекрасного?

- То, что ты рассказала, прекрасно, и знаешь почему?

Конечно, я не знала и знать особенно не хотела, но напрягла лицевые мышцы, изображая заинтересованную улыбку. До Брикелл-Эйв, где, я надеялась, наши пути навсегда разойдутся, уже вон, рукой подать.

- Я как раз хотел посетить FIU, посмотреть, как обстоят дела, поговорить с профессурой, со студентами, я тут кое-кого знаю, в качестве обмена опытом, так сказать. Все никак не мог время выбрать, и вот вдруг ты, и ты учишься именно в FIU! Это такая удача! А в каком кампусе ты занимаешься, в Модесто, в Бискейн-Бей?

- Да где я только не занимаюсь, и в Модесто, и в Лэнгвич Инститют, и в Бискейн-Бей, у меня довольно плотное расписание, - небрежно ушла я от ответа и, въехав в тенистую аллею богатых особняков Сауф-Майами-Эйв, затормозила. Не ожидавшему этого Питеру пришлось круто вывернуть руль, чтобы не налететь на меня. Мы остановились друг напротив друга и несколько секунд молчали, привыкая к новой реальности. Безразмерная туника, широкие бриджи и нелепая шляпа свято хранили тайну его сложения, но прямая осанка и те немногие части тела, что были выставлены на всеобщее обозрение, указывали на то, что этот Питер не такой уж и дохлый, как мне показалось вначале - икроножные мышцы были накачаны изрядно. Ну, еще бы, выдержать сумасшедшую гонку на велике по жаре, да еще меня поддерживать и, смотри-ка, даже не взмок, не то, что я... Уловив мою

решилось поскорее покончить с этим знакомством, он как-то помрачнел и был явно расстроен предстоящим расставанием. «Ну, ничего, переживешь», - усмехнулась я. Встреча с Франом волновала меня сейчас гораздо больше, чем настроение какого-то янки, пусть даже он и спас меня от жажды и от неминуемого солнечного удара.

- Питер, спасибо вам за все и... - начала я, но он прервал меня:

- Здесь в полумиле есть небольшое кафе, в нем подают лимонад... Ты не представляешь, лучший в Америке! Вкуснее, может быть, только на Ки-Уэсте...

- Нет-нет, мне отсюда два шага до дома, - я была непреклонна в своем намерении немедленно уехать и оседлала велосипед, - спасибо, Питер, вы для меня и так столько сделали...

- Тогда отплати мне тем же, - предложил он вежливо, но твердо.

- Что? - я растерялась и посмотрела на него с недоумением. Он подошел ко мне и невольно (или специально?) перекрыл дорогу – теперь, чтобы сбежать, пришлось бы его сначала переехать.

- Послушай, Саша, ты же не бросишь меня здесь одного, верно? Тебе до дома два шага, а мне еще возвращаться по этому пеклу к себе, в Ки-Бискейн, а запасы воды иссякли. Я должен восстановить силы... Пожалуйста, сопроводи меня в кафе, это займет 10 минут, а я угощу тебя лучшим в мире

лимонадом...

- Только что лимонад был лучшим в Америке, да и то не здесь, а на Ки-Уэсте...

- Если хочешь, мы можем вместе съездить на Ки-Уэст и сравнить.

- Ха-ха-ха, на велосипедах?

- Ну, а что? Я готов.

- Нет уж, увольте.

Мы снова катились по Сауф-Майами-Эйв, пристыв друг к другу плечами, как в групповой гонке, и меня все это немного злило. Я готова была согласиться с тем, что Фран может и подождать, он давно заслуживал хорошего урока, но вот появляться такой взмыленной, пусть и в какой-то там забегаловке, не входило в мои планы.

- Не волнуйся, Саша, ты прекрасно выглядишь, - словно прочитав мои мысли, улыбнулся Питер. – Уверяю тебя, там не будет никого очаровательнее тебя...

- Вижу, вы начали говорить комплименты, Питер. Так вот, хочу вас предостеречь. Не теряйте зря времени, у меня есть бойфренд.

- Это было понятно сразу. Ты так сурово держалась. И потом... У такой девушки не может не быть бойфренда. Но не переживай, у меня тоже есть подруга...

- А что мне переживать-то? Рада за вас.

- Ну, вот мы и прибыли. Ты сейчас увидишь Гавану в центре Флориды. Это необычное место – еще не достроенное,

но несмотря на продолжающиеся работы, уютное и чистое, с классной едой, шумными и очень гостеприимными людьми, которым, однако, палец в рот не клади. С ними все немного не так, как мы привыкли, но зато они могут то, что в Нью-Йорке просто и представить невозможно, например, поверить на слово и накормить в долг. Быть среди них тяжело, у них всегда всего в избытке: соли, перца, льда, а также горла – я имею в виду эти вечные споры о будущем Кубы, ярую ненависть к ней и такую же безусловную любовь и еще смех, объятия и поцелуи, которых, честно говоря, хотелось бы и вовсе избежать, но это добрые люди, искренние, честные... Знаешь, я назвал бы это место квинтэссенцией города...

Соскочив с велосипеда, я осмотрелась с интересом. Мне было близко то, о чем он говорил, именно об этих противоречиях и несовместимостях, соединяющихся в единый живой организм, я все время думала, когда речь заходила о Майами.

Я приехала сюда два с половиной года назад и поначалу воспринимала все как настоящий рай. Этот город порастил меня, порастил тем, как просто и удобно устроена в нем жизнь. Однако чем глубже я погружалась в его атмосферу, тем больше ошеломляющих открытий ожидало меня. С середины 10-х годов в Майами и особенно здесь, в даунтауне, начался настоящий строительный бум: расчерчивался и продавался каждый квадратный километр, и даже небольшой парк перед нашим домом, где, казалось, собачку не выгуля-

ешь, вдруг заняли под элитный комплекс. Вернувшись как-то после месячного отсутствия, я обалдела - перед глазами высился пятидесятиэтажный небоскреб, напоминающий гигантскую бритву, и от умиротворяюще синего океана за окном остался лишь маленький треугольничек. Но вот странно, от вечной стройки практически не было грязи и пыли - их съедал влажный тропический климат. Общественный транспорт развит слабо: бесплатный электромувер, курсирующий по даунтауну, наземное метро, несколько автобусных маршрутов - вот, собственно, и все. Почти все пересели на машины, для которых в домах предусмотрены специальные многоуровневые паркинги, а в городе муниципальные или коммерческие стоянки - проблем нет, только денежки плати. А денежки - это главное, как, собственно, и везде в Америке, но и бедняки, разбирающие гнилье на свалках у магазинов, и богачи, приобретающие многомиллионные особняки waterfront - все живут в кредит.

Ура, радовалась я, переселившись к Франу, да здравствует вечное лето! За исключением относительно прохладных января-февраля здесь царит жара, и можно целый месяц шлепать в сланцах, питаться одними фруктами, спать под зонтиком на пляже. Но от такой ходьбы довольно быстро деформировалась ступня и сводило икры, фрукты вызывали оскмину, за зонтик требовали плату, равную стоимости завтрака в кубинской забегаловке, а от вечного лета накатывала усталость и хотелось дождя и прохлады. Осадки приходили

с ветрами и ураганами: вода поднималась до щиколоток, а иногда и до колен, с балконов легко уносило незакрепленные вещи, а открытые окна разбивало в мелкую пыль. Вероятно, из-за особенностей тропического климата здесь все было как-то слишком, как-то чересчур: мощные ливни, яркие краски, громкие звуки, изобильное цветение, острая еда. Конечно, связано это «чересчур» было и еще с одной важной стороной местной жизни, упомянутой Питером: тут, как нигде в Штатах, чувствовалось повсеместное проникновение латиноамериканской культуры. «Miami me lo confirmó», - гремела эмоциональным призывом популярная песня, призывающая всех латиноамериканцев объединяться. Город и так на 70 процентов состоял из эмигрантов: на улицах, а особенно на легендарной Calle Ocho, этаким островке настоящей кубинской свободы, чаще слышалась именно испанская, а не английская речь, и названия магазинчиков, ресторанчиков, кафешек говорили порой сами за себя: «Cubana», «Karakas», «Don Alvarez», «Rosa Mexicana». Да, жизнь в Майами, действительно, походила на рай, и рай этот продавался в кредит и стоил очень дорого.

Кафе, куда мы намеревались зайти, также не являлось в этом смысле исключением. Тонкие светодиодные буквы указывали географическое направление – «Mi Havana». Небольшое, симпатичное помещение обожгло холодом и ароматным запахом прожаренных кофейных зерен. Хозяин, маленький лысоватый человек неопределенного возраста с тол-

стенной золотой цепью на груди, заприметив Питера, сразу бросился к нам, раскрыв объятия, и облобызал и его, и меня толстыми, мокрыми губами:

- Qué volá, mi gente?

- Hola, Карлос! Рад тебя видеть. Хотели отведать твоего изумительного лимонада, но сначала нам с моей спутницей надо бы освежиться – дальняя дорога, пыль, солнце, ну, ты понимаешь, - Питер говорил по-испански осторожно, будто прощупывал болотистую почву.

- Ya tu sabes, mi niño, ya tu sabes, guapo! Конечно! Mi niña, э-э, просить вас сюда идти, - обратился ко мне Карлос на смеси кубинского испанского и плохого английского и указал на белую дверь с девочкой. За ней скрывалась крохотная туалетная комнатка с настоящими, не бумажными полотенцами, лавандовым мылом и чистейшими, кипенно-белыми раковиной и унитазом, в которых пенилась ароматизированная вода. Наконец-то я сняла бейсболку и оглядела себя в большом зеркале: лицо распаренное, пыльное, вокруг глаз пятна, как у очковой змеи, нос лоснится краснотой и, конечно, будет облезать, а мокрые волосы свалялись в невообразимое месиво. Ужас! И это все в течение полутора часов наблюдал мужчина! Содрав с тела майку, я умылась до пояса прохладной водой, протерла себя хрустящим полотенцем, подсушила под струей теплого воздуха влажные вещи. Ну, вот, теперь можно и домой, к Франу.

Мой новый знакомый ждал меня. Перед ним стояли ши-

рокие стаканы с острыми ободками сахарных кристалликов по краям. Наполнены они были чем-то, похожим, скорее, на подтаявшее мороженое, нежели на лимонад. Приглядевшись, я различила кусочки лайма и тропических фруктов в размельченном льду, и льда этого было так много, что Питер отодвигал его трубочкой. Увидев меня, он быстро поднялся, предложил стул. Подоспевший Карлос услужливо надо мной склонился:

- Может быть, *mi piña* желать что-нибудь кушать? У Карлос есть прекрасное меню: *el arroz con habichuela*, мясо, креветка, сэндвич, сыр, вегетариан тоже есть... Или *mi piña* желать кофе? Это будет комплимент, бесплатно.

- Карлос, со мной вы можете говорить на родном языке, пожалуй, так мы лучше поймем друг друга, - сказала я на своем стремительном, искрометном испанском, к которому после трех лет жизни с Франом, возможно, примешался каталанский диалект. - Спасибо, мне ничего не нужно, только лимонад.

Отодвинув мягкий, тающий лед, я потянула напиток через прозрачную, толстую трубочку и... Вместе с этим тропическим, с вязкой лаймовой кислинкой коктейлем по телу волной пробежала прохлада, она вливалась в мою разгоряченную кровь, струилась по моим скованным от долгого напряжения мышцам и даже проникла в мои не очень радужные мысли. Я зажмурилась от удовольствия и вдруг почувствовала, как ко мне возвращаются спокойствие, уверенность, хо-

рошее настроение. В состоянии приятной расслабленности я не сразу заметила, что за мной наблюдают смеющиеся, с лукавинкой глаза цвета залива Бискейн в солнечный день – именно такой, как сегодня. Мой знакомый, оказывается, давно уже снял очки.

- Боже, как хорошо, - не выпуская трубочки из сжатых губ, пробормотала я блаженно.

- Знал, что тебе понравится, - кивнул он.

Я пила лимонад и с каждым глотком все больше погружалась в синеву этих странных глаз, в которых море, соединяясь с небом, растворялось в нем, а может, и наоборот, пока трубочка не уперлась в прозрачное дно стакана. Глаза же были бездонными. Что ж, подумала я, теперь хотя бы понятно, почему он не просто *mi піно* – так кубинцы называли каждого, независимо от пола, возраста и размера - а еще и *гуаро*. Черт возьми, и правда, красавчик.

- Мне пора, - я с сожалением поставила пустой бокал с осевшим на дне льдом и поднялась.

- Мы увидимся еще, - это был не вопрос, а утверждение.

- Зачем это? У вас есть подруга, у меня друг...

Он не ответил.

Мы вышли на улицу. Вечерело, жара понемногу отступала. Я словно летела, не чувствуя под собой ног, а десять минут назад к ним, казалось, намертво приросли стокилограммовые гири. Если бы сейчас пришлось возвращаться в Ки-Бискейн, мне не было бы так страшно. Я на секунду даже

остановилась. Возвращаться в Ки-Бискейн? Боже, да я совсем спятила! Все дело в его голубых глазах или, может, в волшебном напитке, которым он опоил меня? Я потрясла головой и решительно протянула для прощания руку:

- Питер, спасибо за все.

- Саша, очень рад знакомству, - он улыбнулся, углубив носогубные складки. Глаза его, ярким пятном выделяющиеся на загорелом лице, загадочно блеснули.

Мы стояли у входа в «Mi Navana», куда уже начали собираться кубинцы, смуглые, шумные, в распахнутых цветастых рубашках, и их темпераментные, горластые женщины в таких же ярких одеждах, увешанные крупными украшениями, а он все не отпускал мою руку и проникновенно смотрел на меня, словно искал в моих глазах надежду. Нет-нет, хватит, наваждение кончилось. Я высвободилась.

- До свидания, Питер, - сказала с нажимом и вскочила на велосипед. Мой дом был через пару кварталов отсюда.

- Я бываю в Крэндон-парке каждый четверг! – зачем-то крикнул он. Я только пожала плечами: интересно, и причем здесь четверг, ведь сегодня-то пятница. Но думать об этом мне было некогда, дома меня ждал Фран.

Мы познакомились три года назад в Москве. После окончания МГУ я, обычная московская девушка Саша Оболенцева, не особенно умная, да и не бог весть какая красивая, работала биджеем, или *broadcasting journalist*, в международ-

ной информационной телекомпании, вещающей на испаноговорящую аудиторию, мечтала стать корреспондентом, для чего фанатично стажировалась. В это время некоего симпатичного бездельника Франциско Галлардо Бернала, слонявшегося по миру в поисках приключений, из солнечного Майами попутным ветром занесло в холодную Москву. Получив когда-то журналистское образование и сняв несколько документальных проектов, на мой взгляд, довольно слабых, он был с распростертыми объятиями принят в нашу телекомпанию, где легко брали на договор журналистов-носителей языка, а Фран с рождения являлся билингвом, свободно говорил на испанском и английском. Будучи человеком авантюрным и самоуверенным, он тут же обаял наше руководство, состоявшее из злобных стерв, и они щедро выкатили для него обойму интереснейших предложений, а именно: хочешь в корры – пожалуйста, хочешь в ведущие – пожалуйста, а хочешь – напрягись немножко и собственную программу сделай – велкам! Другие, не носители и не иностранцы, могли ждать подобного карт-бланша годами, добиваться его упорным, почти рабским трудом и все равно не заслужить никогда, Фран же играючи получил то, что ему особенно и не нужно было. Единственный сын обеспеченных родителей, он с детства ни в чем не знал отказа: мама и папа, испанские эмигранты, потерявшие из-за трагической случайности первого ребенка, вложили в долгожданного мальчика душу и сердце и потакали любой его прихоти, а он, завладев во-

жденной игрушкой, скоро остывал к ней и начинал поиски новой. Я тогда этого, конечно, не понимала и влюбилась без памяти, попав в длинный список его обожательниц, а когда среди такого изобилия его выбор вдруг пал на меня - обалдела от счастья. Меня не волновали мелочи, как, например, неприязнь подруг или месть стерв-начальниц, без видимых причин прервавших мою корровскую стажировку. Я переехала к Франу на съемную квартиру и не думала ни о чем, кроме разносолов для любимого. Через два месяца Франу наскучило носиться по командировкам с микрофоном наперевес, еще через месяц он взвыл от графика, в котором работали ведущие-информационщики, через полгода у него иссяк запал для авторской передачи, да и вообще потянуло на белый песочек в родной Майами. Он без сожаления бросил наш гостеприимный канал, хотя надо сказать, что никто и нигде больше такого выбора ему не предлагал, но Фран был не из тех, кто идет коротким путем или ценит то, что имеет. Меня он не бросил, и некоторое время мы жили на две страны: прожигая свою небольшую зарплату, я летала к нему раз или два в месяц, в зависимости оттого, как позволял напряженный график ньюсрума. Так длилось до тех пор, пока однажды вылет из Майами по техническим причинам не задержали на 10 часов, и я, естественно, не успела выйти в свою смену, чем тут же воспользовались ненавидевшие меня начальницы и указали на дверь. Узнав об этом, Фран искренне обрадовался и пригласил переехать к нему в Майа-

ми. Уговаривать меня не пришлось, я тут же начала паковать вещи. «Сашка, не торопись! – пыталась вразумить меня мудрая мама. – Куда ты поедешь, зачем? Ни работы, ни денег, виза туристическая. Да и мужик какой-то... мутный. Он хоть предложение тебе сделал?» Я негодовала, что мама не слышит меня, не хочет понять, кричала, что замужество не самое главное, а самое главное – то, что мы любим друг друга, хотим быть вместе и т.д. Я так стремилась убедить ее, что, похоже, и сама в это поверила и с радостью, не рассуждая, принимала все, что предлагал Фран. Для того чтобы мне остаться в Штатах на законных основаниях, он придумал учебу в Международном университете Флориды, и я поступила в магистратуру на факультет двуязычной журналистики. Это помогло мне, во-первых, получить учебную визу, а также освоиться в чужой стране, найти для своих мозгов полезное занятие, и все было бы просто замечательно, если бы это образование не стоило кучу денег. Фран готов был платить за меня и даже заплатил за первый семестр, но потом ушел с очередной работы, где его, как он считал, слишком прессовали, попробовал заняться семейным бизнесом – его папа владел несколькими магазинами в Майами – это ему тоже не понравилось. Все кончилось тем, что он откровенно бездельничал на родительские деньги и постоянно намекал мне, что надо бы вернуть ему потраченные на мое образование средства. Понятно, что я, не невеста-не жена-не пойми кто вообще, не могла, да ни в коем случае

и не хотела претендовать на что-либо, и платить за обучение полностью пришлось моей маме, которой и так было не просто. Фран делал вид, что все okay, впрочем, его, действительно, мало что беспокоило: бабки вернули, и отлично. Я, напротив, очень переживала из-за неудобной ситуации, в которой оказалась, искала варианты и нашла. Меня одобрили для программы Graduate assistance, т.е. помощник профессора в университете. В мои обязанности входило следующее: следить за учебным расписанием и информировать преподавателя обо всех его изменениях, проверять онлайн-классы, рассылать студентам по почте задания, контролировать сроки их выполнения, уничтожать в шредере кучу ненужных бумаг и т.д., причем, работать я должна была не более 10 часов в неделю. Платили за это скромные по американским меркам деньги – 800 долларов в месяц, но, главное, предоставляли внушительную скидку за обучение. Во всем остальном я продолжала зависеть от Франа, который, в свою очередь, открыто жил на деньги родителей, не желая ничего менять в сложившемся положении вещей, и меня это ужасно угнетало. И не только это...

Взъерошенный, недовольный, он встретил меня в коридоре. В руках у него была недопитая бутылка пива.

- Нет, ты представь, «Реал» продул! Как только с тобой поговорил, Ямаль сравнял счет, а на последней минуте Васкес замешкался, ошибся, и Торрес забил 2:1...

- Не знаю, как переживу это, Фран.

Не заходя в гостиную, я поднялась на второй этаж и закрылась в ванной комнате. Обычное дело – он уже не помнит, как обидел меня, бросив в лицо обвинения, что я живу за его счет и радуюсь этому, не помнит, что предпочел смотреть футбол, оставив меня в центре Ки-Бискейна на солнцепеке. Правильно, сама виновата, нечего было уезжать из дома в три часа дня, когда за окном +30, надо было потерпеть, промолчать, посмотреть с ним дурацкий футбол – все бы и улеглось. Схема поведения была всегда одна и та же: вспышка гнева, жуткие обвинения, а потом спасительная амнезия: «Да разве я такое говорил, да ну, requieñita, ты же знаешь, я ничего не имел в виду, забудь, я ведь тебя люблю, давай сходим на пляж, а вечером в «Rusty Pelican»?»

Фран заглянул, когда я, подставляя прокаленное солнцем тело под прохладные струи воды, потихоньку приходила в себя. На этот раз он держал в руках не пиво, а коллекционное вино из испанских запасов.

- Requieñi-ita, - он призывно постучал бутылкой по кафелю, - ты скоро? Я приготовил для нас паэлью, она остывает...

Сквозь приоткрытую дверь в ванную проник умопомрачительный аромат шафрана, чеснока, обжаренных в оливковом масле куриных ножек, душистого риса. Я вдруг поняла, что ужасно проголодалась.

- О боже, ты приготовил паэлью? Но как, когда?

Фран был преисполнен самодовольства, он просто светился, как начищенный медный пятак: смотри, какой у тебя

мужчина молодец, говорил его победный взгляд, все успел, пока ты разъезжала на своем велике неизвестно где и неизвестно с кем. Мы ели паэлью, пили вино, болтали ни о чем, но я все время чувствовала приближение циклона, только на этот раз не погодного. Вечер закончился традиционно - в спальне. Это тоже было в духе Франа – все проблемы решать именно там.

- Тебе понравилась паэлья, requieñita? – спросил он, перебирая мои еще не высохшие волосы.

- Конечно! Ты превзошел себя – паэлья сегодня просто божественна! Я уверена, что мир потерял великого кулинара в твоём лице.

Здесь я совсем не лукавила. Мне часто думалось, что если бы Франу довелось работать шеф-поваром в каком-нибудь ресторане, он давно бы реализовал себя и не стал бы метаться из стороны в сторону, разбрасываться вариантами, упуская хорошие шансы. Все, что было связано с приготовлением еды, увлекало его. Он мог часами выбирать ингредиенты для задуманного им блюда, неожиданно рвануть за приправами на другой конец города, где они продавались в маленькой испанской лавчонке и были, на его взгляд, просто необходимы для соуса или заправки, потом долго колдовал над рыбой или креветками: обмазывал специями, обжаривал в оливковом масле, запекал в духовке со сладкой сиреневой картошкой и овощами. Все свои познания в области традиционной испанской кухни, свою недюжинную творче-

скую энергию и смелость в попытке сочетать несочетаемые продукты он вкладывал в кулинарное священнодействие, и, надо сказать, если в обычной жизни он был нетерпелив, раздражителен, не собран – здесь, в поварском деле, у него всегда все получалось, причем, получалось отменно.

- Скажи, requieñita, ты меня любишь? Ты меня любишь так же сильно, как вначале или меньше? Я умру, если меньше... Ты меня любишь так же, как я тебя люблю? - сюсюкал Фран, но при этом был как-то подозрительно суетлив. - Видишь ли, я хотел тебе кое-что... Скажи, а как твой диплом, ты его пишешь?

- Начала, а что?

- Ой, ну, времени-то почти не остается, что ж ты дотянула?

Я напряглась. Раньше Франа совсем не волновало, как обстоят дела с моим дипломом.

- Э-э, видишь ли, requieñita, мой кузен Пепе, наконец, женится на своей девушке Адриане, и через неделю, в субботу, пышная свадьба... Заказан шикарный ресторан, лучший в Барселоне... и, в общем, мы... ну... э-э, вылетаем в следующий четверг...

- Мы вылетаем в следующий четверг? – я аж подпрыгнула на матрасе, захлопав в ладоши от радости. Все мысли о финальном проекте тут же улетучились из моей головы, потому что увидеть Саграду Фамилию и Дом Бальо, посетить Тибидабо, а там подняться на лифте в храме Святого Сердца к

ногам гигантской статуи Христа всегда было моей заветной мечтой. – Ой, какое счастье, что у меня еще действующая виза!

- Э-э, requèrita... Но... дело в том... дело в том, что... мы с родителями вылетаем, а ты... ты...

Я скатилась с матраса на пол, уткнулась в жесткий, колючий палас, зло рассмеялась. Все понятно. Что ж, чутье меня не подвело и на этот раз.

- Ну, подожди, requèrita, не обижайся, - Фран наклонился ко мне, попытался снова притянуть к себе. – Мы обязательно еще съездим с тобой в Барселону, обещаю, но только не сейчас, потому что сейчас... тебе ведь надо готовить твой дипломный проект...

Это правда, мне, действительно, надо готовить чертов проект, но можно было хотя бы из вежливости пригласить меня, найти какие-то слова, типа: requèrita, ты тоже моя семья, и я очень хочу, чтобы ты поехала со мной, пусть ненадолго, пусть всего на несколько дней...

- А так ты будешь одна три недели, и никто, никто тебе не помешает... По-моему, для тебя это классно, разве нет?

- Прости, что? Я не ослышалась? Ты сказал, три недели?

- Ну, да, ведь мы еще должны съездить в Таррагону к моей кузине Веронике, у нее же близнецы, им четыре года, а я их еще не видел, а потом навестить папину тетю в Мадриде, ей исполнилось 90...

- Послушай, ты можешь не перечислять, к кому и куда вы

должны съездить. Я только не понимаю, неужели нельзя было сказать заранее и честно о своих планах?

- Ну-у... Ты можешь пригласить свою маму, если ей нужно...

- Это мне нужно, понимаешь? Мне! И я уже пригласила ее на мой выпускной...

- Вот и хорошо, вот и пусть приезжает!

Перспектива приезда мамы на мой выпускной была туманной, неконкретной, маячила где-то далеко впереди, именно поэтому Фран и был столь гостеприимен. За два с половиной года моего пребывания в Майами мама выбралась сюда только один раз, да и то натолкнулась на холодное, а к концу второй недели почти неприязненное отношение со стороны Франа. Потом он объяснял это тем, что ему не нравится, когда в доме поселяются чужие люди. Чужой он считал мою маму.

- Ну, пожалуйста, requieñita, не злись. Позвони прямо сейчас своей маме, скажи, велкам, дорога открыта... Ты же знаешь, requieñita, в Испании столько родственников, и всех их надо провести, а то будут обиды, слезы, недопонимание...

Своих родственников он очень боялся обидеть недопониманием. Мне не хотелось больше разговаривать – в конце концов, все к лучшему, пусть уезжает, мне и правда надо готовить финальный проект, а то там еще конь не валялся.

- Эй, ну, что, завтра на кроссфит? – решив, что конфликт исчерпан, он сразу успокоился и, спрыгнув с кровати, про-

шествовал мимо меня в ванную, продемонстрировав упитанные бока и живот. Тема спорта была у нас второй любимой после родственников и служила источником постоянных конфликтов. Я регулярно занималась плаванием и в Москве, а когда переехала сюда, в Майами, где для спорта достаточно было лишь спустить ноги с постели, начала еще кататься на велосипеде, посещать кроссфит, и мне было странно и непонятно, как можно лениться, когда у тебя прямо в доме 25-тиметровый бассейн, тренажерный зал, а вокруг дома удобные дорожки для бега. Но Фран ненавидел спорт так же сильно, как и работу, а поскольку питался он хорошо, не отказывая себе ни в остром, ни в сладком, и, не зная меры, пил пиво, все это быстро на нем сказывалось. Каждый вечер, оглядывая себя в зеркале, он расстраивался из-за своей неидеальной фигуры и давал мне обещание непременно пойти со мной завтра на кроссфит, но наступало завтра, и у Франа вдруг поднималась температура, начинала кружиться голова, расстраивался живот, и он категорически не мог собрать себя. Я уходила, в раздражении хлопнув дверью, а когда возвращалась, он дулся на меня за то, что я оставила его, бедного, несчастного, больного, ради какого-то дурацкого кроссфита.

- Я - да, а ты сам решай.

- Конечно, да, - отозвался он из ванной, - когда это мы отказывались?

- Например, сегодня утром, - напомнила ему я.

- Вообще-то, Алекс, ты бы помолчала про сегодняшнее утро. Пришли поздно, я плохо спал, а потом у меня разламывалась спина после вчерашнего так, что я до обеда разогнуться не мог...

- Вообще-то, Фран, лучше бы ты помолчал про вчерашнее. Пришли мы поздно, потому что ты никак не хотел уходить из гостей. Спал ты плохо, потому что вы с Хосе нахлестались пива, как два алкаша, и ты всю ночь, прости за подробности, бегал в туалет, а спина у тебя разламывалась, потому что ты пер на руках эту толстую корову Ису, которая спьяну растянулась на ровном месте. Я только не очень поняла, если она сама была не в состоянии доползти до двери, почему тащил ее именно ты, а не Хосе. Ведь это он ее бойфренд или это уже не так?

Взбешенный Фран вылетел из ванной. Во рту у него папироской торчала зубная щетка.

- Послушай, Алекс, прекрати! – вскричал он, и белая пена от пасты в уголках его рта возмущенно запузырилась. – Это ты мне мстишь, да, мстишь за Барселону и за твою маму?

- Фран, оставь, пожалуйста, мою маму, она здесь ни при чем. Ты сам сказал, я должна быть счастлива, что ты уезжаешь на три недели, вот я и радуюсь. Поводов полно, разве нет?

- Знаешь что, хватит! В конце концов, оставь свои русские штучки!

Еще одним непреложным постулатом нашей жизни яв-

лялся факт испанского шовинизма. Нужно было безоговорочно принимать, что в Испании всегда и все лучшее: и футбол, и климат, и природа, и кухня, и история, и люди. С чем я мириться никак не могла – это с пренебрежительным отношением к нам, русским.

- Вот что удивительно, Фран. Как происходит что-то, в чем замешаны твои испанские друзья или родственники, ты сразу кричишь, что это мои русские штучки...

- С тобой невозможно разговаривать, Алекс, просто невозможно! Ты расистка и дура! – рявкнул он и заперся в ванной, предварительно оглушив меня резким стуком захлопнувшейся двери. Подобные сцены с различными вариациями происходили у нас почти каждую неделю, после чего кто-то спускался на первый этаж и пытался переночевать на диване. Сегодня это была я. Ставив с постели подушку, я сбежала по лестнице и закрылась в маленькой комнате. На угловом диване ночевать было не особенно удобно, зато с него открывался чудесный вид на даунтаун, на извивающуюся ленту реки Майами, по которой, переливаясь яркой иллюминацией, шли океанские яхты, на проглядывающий вдали черный треугольник залива Бискайн. Я смотрела в огромное, панорамное окно на ночной город, считала этажи в отеле «Hyatt» и в новом доме-бритве напротив и пыталась успокоиться. Я знала, что конфронтация скоро закончится – как все легко возбудимые люди, Фран быстро остывал и приходил ко мне со своей подушкой. Я, конечно, упиралась для

вида, но в итоге все равно принимала его. Правда, с каждой новой ссорой я все отчетливее понимала: ниточка, связывающая нас, совсем не так крепка, как мне казалось вначале, и вполне может... Я отогнала от себя грустные мысли и, кажется, заснула...

- Слушайте, вы, все записались на ярмарку вакансий?
- Ярмарка вакансий? Да твою ж мать! А когда она будет?
- Ну, ты даешь, в это воскресенье, здесь, в Модесто!
- Подожди, она будет здесь, в Модесто, в это воскресенье?
- Твою мать, Кати, да ты что, оглохла?
- Раз ты в теме, Моне, лучше скажи, сейчас уже поздно записаться?
- Не поздно, но следует поторопиться, онлайн-регистрация закрывается за три дня.
- Завтра?
- Кати, да что с тобой? Сегодня вторник, если ты, конечно, не против...
- А-ха-ха, ну, конечно, вторник...
- Похоже, этот твой... попользовал тебя по полной и все мозги тебе вынес...
- Моне, детка, а ты сама давно этим занималась? Тебе следовало бы знать, что после хорошего траха все быстро встает на свои места, и мозги, кстати, тоже...
- Но почему-то не у тебя, Кати, детка...
- А-ха-ха, Данст, не завидуй. Скажи, а кто пойдет на эту

гребаную ярмарку?

- Кто-кто, мы с Алекс, разумеется. Афаф записалась...

- Ну, вот, все такие прошаренные, и только мы со Стеф, как две кретинки, ничего не знаем.

- Кати, не обобщай, пожалуйста.

- Ой, прости, Стеф. Моне, твою мать, где ты раньше-то была?

- Да иди ты к черту! Все получили электронные письма с программой на семестр, а кроме того, по всему кампусу были развешаны призывные объявления. Мне что, больше всех надо, что ли?

- Да кто их читает-то, твои письма?

- Слушай, отвали! Напрягай и дальше свои девственные мозги для главного в твоей жизни...

- Ну, конечно, я поняла, Моне, куда ты клонишь. И, представь, нисколько не возражаю. Когда же ты поймешь, что секс – это лучшее, что придумал господь для всех живых тварей...

- Ладно, Кати, проехали эту тему. В конце концов, для вас со Стеф все эти ярмарки не так важны, как, например, для нас с Алекс.

Мы сидели в небольшом кафе на факультете и коротали время, оставшееся до начала занятий. Мы – это Симоне Данст из Франкфурта, венесуэлка Кати Арангибел, дочь кубинских эмигрантов Стефани Лападула и коренная москвичка Саша Оболенцева, то есть я. Глядя на этих трех деву-

шек, я часто ловила себя на мысли, что в России не стала бы общаться с ними, за исключением, может быть, Симоне. Эта немецкая Брунгильда нравилась мне больше остальных, хотя и она часто пугала меня своей излишней правильностью. Венесуэлку вообще невозможно было воспринимать серьезно в связи с полным отсутствием логики в поступках, ну, а кубинка Лападула олицетворяла собой то небольшое, что я ненавидела в этой жизни. Однако здесь, в Майами, оказавшись в одних и тех же классах, мы неожиданно сблизились. Стефани и Кати находились на особом положении, и именно на это намекала немка: обе они давно уже были гражданками США, и им не грозило двусмысленное положение, в котором могли оказаться мы с Симоне, если в ближайшее время не найдем работу.

- Ой, да ладно, запричитали, - отмахнулась Кати и звонко, с оттяжкой щелкнула пальцами. Она всегда вела себя так, будто за соседним столиком сидел одинокий эксцентричный миллионер, который, увидев ее, невысокую девушку со странновато блуждающим взглядом и фигурой голодающего подростка, заложившего за пазуху футбольные мячи, тут же забыл бы обо всем на свете и бросил бы к ее ногам свои миллионы. – Вон, у Алекс жених-американец, а у тебя богатый папаша...

- Да твою мать, причем здесь это? – пришлось мне вступить в разговор. Я терпеть не могла, когда кто-то начинал намекать на Франа как на источник моей финансовой неза-

висимости. Это было не так, но признаваться в том, что мой жених мне почти не помогает, да и женихом моим вовсе не является, не хотелось. – Речь идет не о деньгах или замужестве, речь идет о работе и, стало быть, о возможности законно находиться в стране, ясно тебе?

- Это тебе не ясно, что речь идет именно о деньгах! – Кати, оседлав любимого конька, сразу перешла в наступление. – Я не говорю сейчас об этих арабках, которые учатся по Фулбрайту. Я говорю о вас, наследницы обеспеченных родителей, девушки богатых парней, вы можете позволить себе учиться без всяких там грантов и стипендий, разъезжать из одной страны в другую, не то, что... - здесь Кати запнулась, не зная, куда причислить себя, ведь за ее обучение платил отец, владелец фитнес-клуба в Форт-Лодердейле, человек далеко не нищий. – Вот я, например, не могу позволить себе, как Данст, стажировку в ООН, хотя мне тоже, может быть, это интересно...

- Мать твою, Кати, ты по-английски пишешь с ошибками, кому ты в ООН сдалась?

- Ну и что, подумаешь! Всегда можно устроиться так, чтобы не писать.

- Например, в охрану.

- А я бы не возражала. Охранники, в основном, мужчины, и среди них есть очень даже симпатичные. Кстати, Моне, что ж ты не попросишь своих друзей, там, в ООН, может, они тебе помогут с работой?

Год назад мы с Симоне без всякой надежды отправили резюме в ООН, и нас неожиданно пригласили в Нью-Йорк на стажировку, однако воспользоваться этим я не смогла, поскольку пришлось бы навешивать на мою маму еще и трехмесячное пребывание в одном из самых дорогих городов Америки, да и Фран капризничал, не желая отпускать меня надолго. Симоне же, дочь богатого промышленника, не знала отказа в средствах и легко сменила обстановку. Завидуя ей, Кати постоянно попрекала ее Нью-Йорком.

- Ладно, закрыли тему, - немка возмущенно перекинула на спину тугую, пепельно-русую косу. Она, пожалуй, больше, чем я, подходила под образ русской красавицы, но был в ней некоторый пересол: крупная, даже тяжеловатая, белокожая, с распахнутыми серо-голубыми глазами, обрамленными слишком длинными и слишком светлыми ресницами, и дивными, волнистыми волосами. Несмотря на свое устойчивое материальное благополучие, она была не избалованна, не болтлива, отличалась веселым, доброжелательным нравом, упорно училась. С ней единственной я поделилась своими проблемами, когда мне пришлось отказаться от стажировки в ООН, и вот прошел год, а Симоне и бровью не повела, что знает что-то. – В общем, так: хотите - записывайтесь, хотите – валите к черту!

- Мы, конечно, запишемся, но только все это мертвому припарки, - подытожила Кати, скривившись.

- Не поняла вашей глубокой мысли, мисс Арангивел.

- Это почему-то не удивляет, фрау Данст. А она лишь в том, что из хрена хрен и выйдет. По-моему, очевидно: чтобы хорошо устроиться, здесь нужны знакомства, протекция и деньги... Впрочем, как и везде.

- Не болтай глупостей, - Симоне неприязненно отмахнулась от Кати и промокнула блестящее лицо салфеткой – в студенческом кафе, как и повсюду в кампусе, царил жуткий холод, однако непрекращающаяся перепалка разгорячила спорщиц.

- Глупость – это то, что ты ни с кем не трахаешься, Данст. В этом есть, уж прости меня, что-то неестественное и лицемерное. Уверяю тебя, Моне, детка, в Майами полно мужчин, которые любят... хм... больших. Тебе стоит только захотеть. А то ходишь на все ярмарки вакансий, рассылаешь всем свое безупречное резюме с безупречными оценками и со стажировкой в ООН, суешься во все дыры, вся из себя такая гладкая, образцово-показательная отличница, а что в результате?..

- Зато ты трахаешься, как почетный ветеран борделя, с кем попало... Кстати, мое резюме взяли в нескольких местах, в «Telemundo», например... - неожиданно для себя я обратила внимание на то, как Симоне произнесла «zome placez» и фыркнула, вспомнив недавнее знакомство.

- Ой, да брось! Чтобы тебя, фрау Данст, не носительницу языка, взяли на испанский канал, даже такой захудалый, как этот «Telemundo»? Да с какой стати? А если и возьмут, так

что с того? Через год тебе, может, доверят прочитать местные новости, что, дескать, в Северном Майами из-за прорыва канализационной трубы закрылись три общественных уборных или что в районе Хайалиа задержали воришку, стывшего пачку презервативов в CVS, или что рабочие-кубинцы роют котлован в даунтауне под точечную застройку за 18 долларов в день... Будешь получать за это, подумать только, 25 штук в год, бешеные деньги! Не лучше ли поехать домой, в Германию, где твой папаша отвалит тебе те же 25 штук, только в месяц, если хорошенько попросишь...

- Хватит считать чужие деньги, - резко одернула Кати молчавшая до сих пор Стефани.

- Ты что, Стеф, обиделась из-за кубинцев, что ли? – сразу дала по тормозам венесуэлка – она всегда немного робела перед более яркой подругой.

За полтора года учебы в FIU я составила представление о каждой из своих однокурсниц. Симоне была большой и надежной, как крепость, Кати – ее полная противоположность, взбалмошная и непостоянная, словно океанский бриз. Много общалась я и с другими девчонками, которых нетерпимая венесуэлка собирательно называла «арабками», хотя арабкой была только одна - Афаф, родом из Кувейта, другая, Таманна, приехала из Бангладеш, и обе они учились по фулбрайтовской образовательной программе. Но лишь Стефани вызывала у меня стойкое неприязненное чувство. Она не болтала глупостей, как Кати, не шла напролом, как Симоне,

вела себя сдержанно, как положено леди, которую она очень натурально изображала, но ее лицемерная, с червоточинкой натура нет-нет, да и просачивалась сквозь глянцевою оболочку. Про себя она рассказывала неохотно: родители вместе с ней, пятилетней девочкой, сбежали от Фиделя, едва не погибли, пересекая Флоридский пролив на жалкой лодчонке, потом обосновались в Майами и сразу получили вождеденное американское гражданство. Стефани мечтала ассимилироваться и, надо отдать ей должное, преуспела в этом: выбросила из своего имени первую гласную «Э», чтобы оно звучало на американский манер, говорила на родном испанском с акцентом, путала ударения и делала грамматические ошибки, чего не позволяли себе мы с Симоне, иностранки. Сплетница Кати, задыхаясь от зависти, нашептала нам, что в 15 лет девушка заняла 1-е место на международном танцевальном фестивале, после этого участвовала в конкурсе мисс Бюст штата Флорида, где попала в топ-5 и якобы даже понравилась самому Марку Энтони. У нее не переводятся влиятельные друзья, оплачивающие все ее капризы, а недавно появился пожилой и о-очень состоятельный поклонник, про которого Кати, к ее большому сожалению, ничего толком не знала. Стеф, действительно, была девушкой дорогой: со знойными формами, с гривой блестящих, черных волос и призывной искрой в миналевидных желто-карих глазах, но было в ней что-то еще, мутноватое, лживое, что мешало мне воспринимать ее как красавицу и, уж тем более, как подругу. Я с тру-

дом гасила в себе раздражение, когда Стефани на занятиях начинала отстаивать демократические ценности: ратовала за однополые браки, истово жалела геев, трансвеститов, оголтелых фанатиков, уверяя, что каждый имеет право на свое мнение. Мне, воспитанной в светской, невоцерквленной семье, тем не менее, трудно было представить голубую пару, да еще с усыновленными детьми, не собиралась я также падать ниц перед черными и посыпать свою голову пеплом за то только, что их предков эксплуатировали на плантациях, а моих, переживших революции, войны, голод, террор - нет. Угадывая во мне несогласие и протест, она явно хотела, чтобы я вступила с ней в спор, и специально провоцировала меня, прекрасно понимая, что я всегда останусь в меньшинстве, потому что здесь правила пресловутая толерантность, а не здравомыслие и справедливость. Радовало одно – пересекались мы с ней по вторникам, да и то редко, поскольку жила она по своему, одной ей понятному расписанию.

- Ладно, пора идти, мистер Фишер ждет, - усмехнулась Стефани и, изломав в локте тонкую руку, крикнула официанту: - Эй, пожалуйста, счет!

Аргентинец Марко Фишер преподавал у нас журналистское мастерство и был как раз одним из тех, кого желтые глаза и пышные формы мисс Лападулы обезоруживали. Раскусив это, Стеф как истинная интриганка начала манипулировать им, часто прогуливала занятия. Когда же она снисходила до нас и все-таки появлялась, г-н Фишер преобра-

жался, забывая о своих сединах, семье и преподавательской этике. Сегодня нам предстояли так называемые live, прямые эфиры. Неделью мы основательно к ним готовились: изучали материалы, вычленили из множества фактов самые интересные, скачивали нужные видео, набрасывали примерный текст сюжета, а теперь в небольшой, специально оборудованной студии надо было выйти в эфир в качестве корреспондентов, оказавшихся в гуще событий. Все отобрали важные для своей страны темы: Таманна взялась освещать празднование Дня Победы, когда пакистанская армия капитулировала и Бангладеш обрел независимость, Афаф – какое-то этапное сражение «Бури в пустыне», Симоне – падение Берлинской стены, Кати - похороны Уго Чавеса. Я решила рассказать об августовском путче 1991 года и тут уж развернулась, вставив в свой репортаж детали и сюжеты, которые нашла в русскоязычных источниках. Выступающая после меня Стеф, даже если и знала от Кати о задании, конечно, не готовилась, и ее live о кубинской революции выглядел скудно, как плохо выученный урок. Видеоряда вообще никакого не было – на экране замерла единственная черно-белая картинка с перекошенным в ораторском экстазе лицом Фиделя Кастро.

- Я нахожусь э-э... в аэропорту Кэмп-Коломбия... - блекотала она, сжимая в пальцах микрофон и выгибая свой стан так, будто демонстрировала нижнее белье на страницах мужского журнала. - Только что отсюда вылетел... э-э... самолет с Фульхенсио Батистой и его женой Мартой... э-э... которая

была в новом платье от Шанель... Тут везде кричат: «Viva Cuba, viva Fidel!» А я хочу сказать, что да, правительство Батисты – э-э, слабое, он не пошел на компромисс с полковником де ла Торриенте, это плохо, очень плохо, но Фидель, Фидель - это предатель своего класса, оголтелый вояка, бездарный экономист, жалкий выскочка! Кем бы он был и что бы он смог, если бы его не поддерживал Советский Союз? - далеко не толерантные ругательства в адрес Фиделя Кастро Стеф произнесла на одном дыхании, без запинки, победно поглядывая на меня. – Его революционные преобразования приведут к национализации и социализму, а это и есть экономическая ка-та-стро-фа... Короче, э-э, жаль, что партизанская война после падения Батисты не смогла свергнуть Фиделя, хотя была близка к этому, э-э...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.